

DOI: 10.12731/2576-9782-2022-4-15-34
УДК 130.2:654.197

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Е.П. Панова, Н.Р. Саенко

Цель. Цель данного исследования – выявление и последующий анализ феноменологии и содержательно-сюжетной стороны советской неомифологии, воплощающих архетип героя-жертвы в текстовых материалах художественной поэзии и прозы для детей, равно как и используемых средств этого воплощения.

Метод или методология проведения работы. В процессе работы были использованы методы анализа текстов, контент-анализа, кросс-факторного анализа материала ряда источников по параметрам, обладающим собственным содержанием, значимым для достижения заявленной в исследовании цели.

Результаты. Анализируется структура и прагматика идеологически ориентированного советского неомифа. Особое внимание было уделено анализу таких категорий, как сакрализация и инструментализация создаваемого мифологического материала, имманентно присущие образу характерологические черты и особенности, позволяющие интерпретировать созданные разными детскими писателями персонажи как борцов, героев, сакральные жертвы. По результатам исследования выделены и проанализированы формируемые мифом в массовом общественном восприятии особенности героического персонажа детского возраста, его жертвенности и бессмертия. В заключение рассматривается ряд прагматических аспектов оперирования культурным образом ребенка-героя и ребенка-жертвы со стороны идеологии, патристического воспитания помощью эмоций и настроений общества.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере культурологии, философии культу-

ры, философии литературы для анализа эффективных и неэффективных в области воспитания активного гражданина и патриота посредством художественных приёмов. Результаты анализа актуальны, так как современная российская культура нуждается в действенном инструментарии гражданского и патриотического воспитания.

Ключевые слова: прагматика советского неомифа; сакрализация мифологического материала; архетип; жертвенность; идеологическое измерение мифа

HEROIC MYTH IN THE WORKS OF SOVIET CHILDREN'S WRITERS

E.P. Panova, N.R. Saenko

Purpose. *The purpose of this study is to identify and further analyze the phenomenology and content-plot side of Soviet neomythology, embodying the archetype of the hero-victim in the textual materials of artistic poetry and prose for children, as well as the means used for this embodiment.*

Methodology. *The method or methodology of doing the work. In the course of the work, the method of text analysis, content analysis, cross-factor analysis of the material of a number of sources was used according to parameters that have their own content, significant for achieving the goal stated in the study.*

Results. *The article analyzes the structure and pragmatics of the ideologically oriented Soviet neo-myth. Particular attention was paid to the analysis of such categories as the sacralization and instrumentalization of the created mythological material, the inherent characterological features and features of the created image, which make it possible to characterize the characters created by different children's writers as fighters, as heroes, as sacred victims. According to the results of the study, the features of the heroic character of childhood, his sacrifice*

and immortality, formed by the myth in the mass public perception, are identified and analyzed. In conclusion, a number of pragmatic aspects of operating the cultural image of a child-hero and a child-victim from the side of ideology, patriotic education with the help of emotions and moods of society are considered.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of cultural studies, philosophy of culture, philosophy of literature to analyze effective and ineffective in the field of educating an active citizen and patriot through artistic techniques. The results of the analysis are acutely relevant, since modern Russian culture needs effective tools for civic and patriotic education.*

Keywords: *pragmatics of the Soviet neomyth; sacralization of mythological material; exploitation of plots and characters of myth; recoding of public consciousness; creation of a new archetype; combination of devotion and sacrifice; ideological dimension of myth*

Введение

Цель исследования – выявление и последующий анализ феноменологии и содержательно-сюжетной стороны советской неомифологии, воплощающих архетип героя-жертвы в текстовых материалах художественной поэзии и прозы для детей, равно как и используемых средств этого воплощения.

Материалы и методы

В процессе работы были использованы методы анализа текстов, контент-анализа, кросс-факторного анализа материала ряда источников по параметрам, обладающим собственным содержанием, значимым для достижения заявленной в исследовании цели.

Результаты и обсуждение

В современных исследованиях советского масскульта [21; 22; 24; 25; 26] прагматическая сторона функционирующей в течение десятилетий идеологической системы позиционируется как в значительной степени опирающаяся на целенаправленно создаваемую

и постоянно подпитываемую все новыми сюжетами и персонажами мифологию [1]. Над знаково-символическим полем основного культурного пространства посредством мифа возводится вышележащий второй ярус, сакрализация сюжетов и персонажей в пространстве которого, в свою очередь, опирается на веками создаваемую внутри массового народного сознания дихотомию мира дольнего (в советской идеологии это мир классово-сознательных «простых» людей, тружеников, пролетариев) и мира горнего (в советском мифе это мир партийных вождей, классиков великого учения, ушедших и ныне здравствующих борцов и героев борьбы за дело освобождения трудящихся всех стран от эксплуатации человека труда капиталом).

Эффект этой архетипической бинарности оказался очень заметным, потому что массовое сознание и мировоззрение советских людей во многом формировалось именно как мифологическое.

Поскольку значительное место внутри расщепленной и выведенной за «мирские» пределы семиотики занимал архетип жертвы – жертвенности, символическое оформление которого сочетало в себе революционно-пролетарскую и классовую сознательность, идеологическую стойкость, личную преданность идеалам борьбы с врагами революции и готовность принять гибель из их рук за святое и правое дело, помноженные на столь же иррациональную личную веру в будущее торжество идеалов великого марксистского учения, практически рая на земле [6, с. 80]. Действующие лица мифа подбирались его создателями именно по степени незащищенности и уязвимости как объекта будущего сакрального жертвоприношения, поскольку это ожидаемо приводило к повышению эмоциональности и эффективности силы воздействия мифологического материала, уровня идеологической отдачи его создателям.

Творцы советского неомифа, его идеологи и вдохновители всесторонне заботились о воспитании будущего строителя передового общественного строя с ранних детских лет, и в этом отношении миф стал самым массовым учителем – «школой жизни», понимаемой преимущественно как борьба, для огромного числа несовершеннолетних советских граждан.

Череда юных героев в советском неомифе не иссякала вплоть до периода оттепели, поскольку это было будущее, которое приносило самого себя в жертву тревожному и несправедливому настоящему ради своего же будущего триумфа, и это был великий и вечный сюжет.

Подобно тому как в основу всякого мифа заложено некоторое предание, чаще всего расставляющее в репрезентируемой им картине мира акценты и нюансы демаркации сил добра и зла, «своих» и «врагов» и т.п., в основу литературного неомифа советского периода, предназначенного для восприятия читателей детского возраста, также был заложен определенный идеологический конструкт, содержательно основанный на теме борьбы за правое («народное») дело. С космологией и космогонией пространства борьбы у авторов мифа, как правило, не возникало проблем, поскольку «история борьбы классов» контролировалась идеологией. В задачу авторов входил лишь процесс адаптации истории к уровню детского восприятия таким образом, чтобы это естественным образом генерировало расширяющийся пантеон образов героев детского возраста, выходящих, как и их взрослые аналоги, «из рядов борцов».

Авторы неомифа, как правило, вполне компетентно справлялись с поставленной им задачей, поскольку восприятие ребенка, в отличие от взрослого, психологически значительно более восприимчиво к примерам предоставляемых ему художественно завершенных социальных образцов. Дети-читатели организовывали свое игровое пространство в форме имитации хронотопа избранного им литературного произведения, играя при этом то в одного, то в другого любимого литературного героя. Стремление сформировать средствами художественного образа в ребенке его собственную мотивацию, становящуюся отправным моментом его приобщения к образу литературного героя посредством реализации релевантных игровых практик и личного участия ребенка в процессе этой реализации, было рассчитано на один и тот же бессознательно действующий механизм: ребенок сам для себя дописывал этот миф и образ героя в нем и тем самым интериоризировал его, делая его своим соб-

ственным достоянием, то есть ценностью, которой надо следовать, к достижению которой следует стремиться. Инстанции «взрослой» идеологической пропаганды совершенно точно отдавали себе в этом отчет и так работали, как сейчас бы сказали, «вдолгую».

Однако в предвкушении ожидаемых успехов собственной эффективности, идеологический сектор влияния на умы и чувства детской аудитории впал в неразрешимый кризис амбитендентности, а именно: Октябрьская революция, ставшая центральным актом творения, «коллективным демиургом» «Нового мира», до освобождения (творения) которого были «только мрак, эксплуатация и угнетение», репрезентировался юному читателю как высшая ценность, завоевания и достижения которой сознательный гражданин Страны Советов обязан был зорко оберегать от коварных происков «контры». Тем самым складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, «ребенок нового мира» не лишался полноценного детства, наполненного радостью, счастьем и заботой не только со стороны родителей, но и партии. С другой стороны, весь процесс его взросления в этот значимый для всей остальной жизни период находился под идеологическим контролем, предлагающим ему свои представления о его «радости», «счастье» и заботе о нем несмотря на то, что дети, по существу, внутренне настолько же разные, как и взрослые. Это значит, в свою очередь, что перед творцами литературного неомифа для детей была поставлена новая задача: преодолеть это противоречие творческим путем, и одним из возможных решений этой задачи и оказалось создание образа героя, точнее – палитры разных героев, чтобы советскому ребенку было из чего выбрать.

Однако эта идеологически дозволяемая видимость «свободы выбора» не предполагала, чтобы на любой из этих образов могла быть брошена хоть малейшая тень. В результате использовались разнообразные приемы литературной ретуши, начиная от патетики с эффемизацией и кончая простым замалчиванием ряда неудобных фактов. Например, в тяжелые послевоенные годы в издательстве «Детгиз» выходит небольшая книжечка детского писателя В. Г. Губарева о самом известном пионере-герое предвоенного периода Павлике

Морозове, из содержания которой юный читатель вполне мог узнать, что пионер Морозов был всем ребятам примером не только отличной учебы в школе, но и выдающихся организаторских способностей по созданию местного комитета борьбы с кулаками [5]. Однако позднейшими исследованиями [8, с. 19] было доказано, что Павлик, во-первых, учился весьма посредственно и, во-вторых, никаких таких комитетов в реальности не организовывал. Иначе говоря, созданный литературный образ пионера Морозова на самом деле был мифом, в который должен был поверить неискушенный в тонкостях идеологической пропаганды юный читатель, чтобы стремиться стать таким же.

Патетикой и торжественностью проникнута соцреалистическая поэма Э. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932 г.), главный герой которого, пионерка Валентина, умирает от неизлечимого инфекционного заболевания, и центральная теза которого – возрождение сквозь смерть – многократно обыгрывается автором: «...На широкой площади убивали нас, // Но в крови горячейной поднимались мы; // Но глаза незрячие открывали мы...», и далее: «...Чтоб земля суровая кровью истекла, // Чтобы юность новая из костей взошла, // Чтобы в этом крохотном теле навсегда // Пела наша молодость, как весной вода!» [9, с. 3–4]. Автор создает не просто образ героя, но образ героя бессмертного, которого невозможно уничтожить, потому что он непреклонно возрождается в следующих поколениях, и посредством масштабирования которого в этом относительно небольшом стихотворении создается образ целого бессмертного поколения стойких и преданных делу революции бойцов, которым на миру и личная смерть не страшна, только потому что она – ничто по сравнению с грядущим торжеством великой идеи, ожидание которого и создает этот невероятный, и сметающий перед собой все преграды пафос.

Особняком стоит литературное творчество А. П. Гайдара, и прежде всего, его повесть «Военная тайна» [3], восхваляющая неразрушимое межпоколенческое единство общества борцов за идеалы революции – когда и отцы все пали на фронте, и старшие братья

пали, и деды пали – к оружию встают совсем маленькие, но очень стойкие и решительные дети, для которых традиционно игровой образ войны превращается в суровую и страшную реальность. К огорчению читателей, им не суждено победить злых и жестоких взрослых – однако этого, на самом деле, и не требуется, потому что коллективный образ погибающих в неравной схватке детей оказывается эмоционально более впечатляющ, и пропагандистки-идеологически на порядок более эффективен, нежели образ победителей. В центре «Военной тайны» литературный образ Мальчиша-Кибальчиша, организовавшего и возглавившего вооруженное детское сопротивление «контре» и в итоге попавшего к врагам в плен. Этот образ являет собой пример уже не детской стойкости и верности «военной тайне», которую Мальчиш врагам так и не выдал, приняв мученическую смерть и ореол героя мифа о себе самом: «Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо», и далее «Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твёрдое слово. А когда мы уходили, то опустился он на пол, приложил ухо к тяжёлому камню холодного пола, и, ты пове-ришь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая гибель?» [3]. В данном тексте именно ребенок становится героем, сражающимся за правое дело. Так детская литература создавала не только миф о герое революции, о рождении нового сверхчеловека, но и воспитывала новое подрастающее поколение, включала ребенка во взрослую социальную жизнь.

Гибель ребенка в повести А. Гайдара – это классическая катарсическая трагедия через сюжет которой миф о герое-борце, о мужественном и смелом человеке-ребенке вживляется в сознание советского читателя. Такой прием помогает воспитать в детях веру в справедливость и веру в то, что строительство нового коммунистического государства – это праведное дело, а герои Красной Армии (как взрослые, так и дети) – праведники. И никто никогда не забудет их героический подвиг, так как формирование новой идеологии и

рождение нового мифа – это сакральное, абсолютно истинное дело, за которое не жалко отдать свою жизнь: «А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зелёном бугре у Синей реки. И поставили над могилой большой красный флаг. / Плывут пароходы – привет Мальчишу! / Пролетают лётчики – привет Мальчишу! / Пробегают паровозы – привет Мальчишу! / А пройдут пионеры – салют Мальчишу!» [3]. Стихотворение, которое создает А. Гайдар в финале повести, построено, с одной стороны, в виде народной песни с использованием синтаксического параллелизма, так популярного в фольклоре. С другой – строки стихотворения напоминают лозунги, сошедшие с агитационного революционного плаката, создаваемых РОСТом. Серия восклицательных знаков, многочисленные повторы, перечисление современных в строящейся советской стране реалий: «лётчики», «пионеры», «паровозы» – создают тот мощный пафос, то эмоциональное настроение, которым жила послереволюционная Россия.

В 1940 году выходит повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда», действие которой разворачивается в маленьком дачном поселке [4]. Автор показывает читателю пример того, что, в отличие от традиционных детских игр, деятельность ребенка даже в этот период взросления может быть реализована в идеологически верном направлении и обладать на порядок превосходящей эти игры общественной полезностью. Литературный образ команды Тимура со товарищи, демонстрируя не по годам зрелый уровень социальной сознательности, представляет собой неформальное единение добровольной помощи нуждающимся членам общества, в особенности тем, чьи родственники служат в рядах вооруженных сил. В этом отношении «Тимур и его команда» является литературным постлегоменом стихотворения В. В. Маяковского «Что такое хорошо» 1925 г. [12], где поэтом также были расставлены все точки над «i» и заданы контрасты внутри правильного и идеологически верифицированного воспитательного процесса детства.

Стихотворение В. Маяковского выстроено по принципу антитезы: грязь – плохо, чистота – хорошо, защита слабых, трудолюбие, храбрость, опрятность – хорошо, жестокость, лень, трусость и неря-

шество – плохо. Принцип противопоставления становится композиционной основой стихотворения, В. Маяковский противопоставляет добро (нравственные качества, которым должен учиться ребенок, чтобы стать полноценной и духовно-цельной личностью нового советского государства) злу (безнравственным качествам, которые калечат маленького человечка, разрушают в нем личность, мешают социализироваться ему в новом обществе, делают жизнь трудной и невыносимой). В. Маяковский учит базовым ценностям, которые помогают маленькому человеку стать не только хорошим человеком, не только социализоваться (найти свое место) в новом государстве, но и стать активным строителем новой неомифологической системы.

Финальным предостережением является утверждение, которое усиливается при помощи использования В. Маяковским зооморфной метафоры: из «свиненка» может вырасти только «свин». Ребенок выносит из разговора твердое убеждение в том, что необходимо всегда поступать только хорошо.

Возвращаясь к образу Тимура, хотелось бы добавить, что целью ознакомления молодого поколения с такой мифологизацией неформальной общественной активности являлось развитие и становление по всей стране вполне реального детского общественного движения последователей Тимура. Здесь возникает ситуация прямой инструментализации создаваемого мифологического материала, то есть последующего использования его в качестве средства по решению прагматических задач идеологического контроля за фактической деятельностью общества [11, с. 21]. А. Гайдар развивает в своей повести главную мысль, которая заключается в том, что основной ценностью должна быть дружба. Если молодой человек растет ответственным, благородным, милосердным, то такой подросток обретет настоящих друзей. Именно доброта, взаимопомощь, поддержка становятся основой формирования коллектива, который, в свою очередь, опирается в своем существовании на такое понятие как дружба. Гайдар стремится показать, что общественное молодежное движение должно стать опорой нового государства и воспитывать данное неформальное общественное объединение должно в

подростке самые лучшие нравственные качества: любовь к родине, равнодушное и бережное отношение к другим, учит не быть эгоистом, помогать и поддерживать других. Ребята, объединившись в коллектив, базой которого являются такие высокие духовные ценности, становятся могучей силой, которую невозможно одолеть. Именно такое общественное движение среди молодежи становится мощным орудием в борьбе с врагом и могучим средством в формировании нового неомифологического сознания людей в строящемся советском государстве.

И в «Военной тайне», и в «Тимуре и его команде» автор по всем правилам построения мифа обязательно создает образы не только протагонистов, но и их антагонистов: в «Военной тайне» это Мальчиш-Плохиш, воплощающий архетип корыстного и беспринципного предателя, а в «Тимуре...» – Мишка Квакин и Фигура, которые есть обыкновенные хулиганы, которыми «правильному» советскому ребенку быть просто не пристало [10, с. 9].

Многие из перечисленных выше особенностей поэтики творчества А. П. Гайдара своими корнями уходят в архетипическую модель, ведущую свое начало от преданий о разбойниках. Хотелось бы подробнее остановиться на романтическом и сатирическом начале в творчестве А. Гайдара: «Особое внимание к конфликту, стремление к его социальной и политической заостренности чувствуется практически во всех произведениях Гайдара. В каждой его повести идет борьба двух антагонистических миров: социалистического и буржуазного. Вечная социальная антиномия «добро» – «зло» у Гайдара всегда социально конкретна и персонифицирована: герою, олицетворяющему новый социалистический строй, противостоят враг социализма. При этом первый – романтизирован, второй – сатиричен. Уточним, что на мифопоэтическом уровне прочтения романтическая типизация теснее всего связана с героями, чьи архетипические корни восходят к образу «благородного разбойника», а сатирическая – к образу «собственно разбойника».

Например, романтический стиль сопровождает образ комиссара Тимура, а также его друзей – юных защитников социалистического

строю («Тимур и его команда»). С одной стороны, Тимур и его друзья играют во взрослую игру, оказывая помощь слабым, старым, больным и одиноким людям, с другой, их тайная деятельность в какой-то степени напоминает подвиги «благородного разбойника», помогающего обездоленным. Вспомним возвышенно-патетический стиль ультиматума, адресованного шайке атамана Квакина: «Ввиду того что вы совершаете налеты на сады мирных жителей, не щадя и тех домов, на которых стоит наш знак – красная звезда, и даже тех, на которых стоит звезда с траурной черной каймою, вам, трусливым негодьям, мы приказываем...», – заканчивается ультиматум следующей фразой: «А в случае отказа мы оставляем за собой полную свободу действий» [2, с. 486]. Квакин ядовито замечает по поводу стиля ультиматума: «А какой дальше слог, Какие запятые!» [2, с. 487]. Комизм достигается здесь за счет противоречия между возвышенным слогом письма: «мы оставляем за собой полную свободу действий» и стилистически сниженными комментариями, которыми сопровождается чтение ультиматума на собрании шайки: «– То есть в каком смысле свободу? /.../ Мы их, кажется, пока никуда не запирали – Это такое международное слово. Бить будут» [2, с. 487]. Писатель нередко прибегает к иронии, как способу сатирической типизации. Вспомним полную сарказма характеристику того же Квакина в адрес своего друга Фигуры: «ты мне хоть и друг, Фигура, но никак на человека не похож ты, а скорей вот на этого толстого поганого черта» [2, с. 488].

Одним из средств романтической типизации становится портрет Тимура: «В то же мгновение в просвете мелькнула еще одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосяный мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда» [2, с. 470]. Революционная романтика сквозит в каждой фразе этого отрывка: фразы «в просвете мелькнула тень», «все расступились», что завораживает читателя и настраивает на таинственно-мистический лад. Упоминание в тексте такой детали как красная звезда – не простое обращение автора к революционной символике. Это один из способов раскрытия убеждений героя, романтически возвышенного и одухотворенного идеями революции.

И хотя Гайдар не дает развернутого портрета атамана Квакина в повести, тем не менее, сатирическая интонация проскальзывает в характеристике внешнего вида и поведения героя: «Тимур шел Квакину наперерез. Заметив это, Квакин остановился. Плоское лицо его не показывало ни удивления, ни испуга» [2. с. 475] – лишь одна сквозная деталь «плоское лицо» усиливает комический эффект и подчеркивает пренебрежительное отношение автора к герою.

Противоборство в период Великой Отечественной войны, тем или иным образом воплощенное в детских литературных образах, всецело было основано на реальном образе коварного, жестокого и безжалостного врага, от сопротивления которому дети просто не могли остаться в стороне. Использование этого реального исторического обстоятельства в качестве фона для создания следующей совокупности образов мифологического материала придавало ему почти полную достоверность, какой-то частью своей опирающуюся на реальные внутрисемейные рассказы участвовавших в боевых действиях взрослых своим детям и внукам [7; 22; 21]. Реалистичность художественных образов и описываемых событий в романе А. Фадеева «Молодая гвардия» достигается за счет создания исторического колорита: используются названия реальных мест (в городе Краснодоне Луганской области (Украина)), предметом изображения стала реальная деятельность реально существующей антифашистской организации («Молодая гвардия» насчитывала около 110 человек — юношей и девушек), в основе прообразов романа лежат реальные подростки, которые создали подпольную организацию по борьбе с фашизмом (Иван Туркенич, Виктор Третьякевич, Георгий Арутюнянц, Иван Земнухов, Олег Кошевой, Василий Левашов, Сергей Тюленин, Ульяна Громова и Любовь Шевцова – существовавшие в реальной жизни комсомольцы, участвовавшие в подпольном движении). Подавляющее большинство молодогвардейцев были комсомольцами, временные комсомольские удостоверения печатались в типографии организации вместе с листовками. В то же время произведение несло отчётливый идеологический характер, было направлено на поддержание социалистического общества, транслировало коммунистические ценности и идеалы.

В романе «Молодая гвардия» рассматривается несколько тем, как и в любом крупном произведении, – это темы детства, любви, преданности и, конечно, главная или центральная тема – патриотизм. А. Фадеев описывает, как дети на войне превращаются во взрослых людей, а под влиянием коммунистической идеологии – в героев. Несмотря на то, что война в романе Фадеева изображается реалистично, лишена всякого романического флёра, идеологическая подоплека имеет огромное значение. Этот роман подчёркивает главную мысль, что именно идеи коммунизма и советского патриотизма делают обычных людей настоящими героями. Сцена, когда молодогвардейцы слушают по радио речь Сталина, подчёркивает единство народа и советской власти. Именно эти идеи: единства, патриотизма, воспитания мужественной и отважной молодежи в коммунистической стране – создают пропагандистский смысл романа «Молодая гвардия», который был частью идеологической литературы того периода. Известен факт, что Иосиф Сталин был недоволен тем, что в первоначальной версии романа было недостаточно показано влияние коммунистической партии на формирование подполья и высказал свои замечания в письме к А. Фадееву, который доработал роман.

Культурный герой советского неомифа был особенно востребован в своей детской версии еще и потому, что педагогическая матрица в части воспитания подрастающего поколения в духе беззаветной преданности идеалам господствующей идеологии, постоянно использовала эти литературные источники [23, с. 139]. Более того, если говорить об идеологически необходимом перекодировании общественного сознания всего социума в целом, то, вне сомнения, пропагандистки перенаправленная детская литература советского периода вполне успешно создала принципиально новый и символически-завершенный архетип ребенка-борца и ребенка-героя, просто неведомый западной литературе. Готовность и способность отдать свою жизнь за «правое дело» стали настолько неотъемлемыми чертами символической реализации этого архетипа, что они воспринимались общественным сознанием как совершенно естественные, и этот искусственно (и искусно) возводимый потенциал абсолютно мифологизированной жертвенности стал самым реальным идеоло-

гическим оружием. Использование же в советском неомифе детей, как наиболее уязвимых, в качестве жертвы, позволяло манипулировать общественным отношением к реальным недругам и аггривировать его в случае необходимости.

Заключение

1. Прагматический советский масскульт опирался на целенаправленно создаваемую и постоянно подпитываемую все новыми сюжетами и персонажами мифологию.

2. Советский неомиф возводится вышележащим ярусом над знаково-символическим полем основной (немифологизированной) культуры, активно эксплуатируя ее значения и смыслы посредством их обновления новыми формами и персонажами.

3. Позиция ребенка-героя и ребенка-жертвы в советском неомифе – это мифологически сакрализованное будущее, которое приносит себя в жертву настоящему ради будущего коллективного триумфа великих идей и идеалов.

4. Советская литература создала принципиально новый архетип ребенка-борца и ребенка-жертвы, неотъемлемой чертой которого стала личная готовность принести себя в жертву ради торжества идеалов светлого коллективного грядущего.

5. Политическая идеология активно и разносторонне использовала созданный детской литературой миф о героизме в воспитательных целях.

Список литературы

1. Балина М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // *Детские чтения*. 2012. Т. 1. № 1. С. 43-66.
2. Гайдар А. Избранное. М.: Изд-во «Правда», 1986. 520 с.
3. Гайдар А.П. Военная тайна. М.: Детская литература, 1973, 112 с.
4. Гайдар А.П. Тимур и его команда. М.: Мартин, 2020, 176 с.
5. Губарев В.Г. Павлик Морозов. М.: Детгиз, 1948. 64с.
6. Димке Д. В. Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания по антропологии педагогики // *Детские чтения*. 2013. Т. 3. № 1. С. 74-99.

7. Кассиль Л., Поляновский М. Улица младшего сына. М.: Георгиевская ленточка, 2018, 624 с.
8. Келли К. Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя. М.: Новое литературное обозрение, 2009, 312 с.
9. Лекманов О.А. Эдуард Багрицкий «Смерть пионерки». М.: Лекторий Магистерия, 2022.
10. Липовецкий М.Н. Шалуны, враги, другие. . . трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 12. С. 7–22.
11. Макфадьен Д., Кукулин И., Липовецкий М., Майофис И. Веселые человечки: культурные герои советского детства. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с.
12. Маяковский В.В. Что такое хорошо и что такое плохо. М.: Искатель, 2021, 48 с.
13. Смирнов В. Зина Портнова. О пионерах-героях Великой Отечественной войны. М.: Малыш, 1979. 18 с.
14. Фадеев А.А. Молодая гвардия. М.: Московский рабочий, 1983.
15. Ивенкова, О. А. Миф и история в повседневном сознании советских людей в послереволюционный период (1920-1930 гг.) / О. А. Ивенкова, Н. Н. Розанова // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 4-3. С. 71-78.
16. Кокина, И. А. Феномен произведений А.П. Чехова о детях и для детей / И. А. Кокина // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-3(28). С. 171-180.
17. Магсумов, Т. А. Гибель империи: региональный аспект / Т.А. Магсумов, Г. О. Ковзик // В мире научных открытий. 2014. № 5(53). С. 12-18.
18. Миннуллина, Р. Ф. Г. Тукай – автор учебников и детских книг / Р. Ф. Миннуллина, А. Р. Нуриева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 11-2. С. 124-128.
19. Рябцев, С. В. Социальная мифология в контексте возможностей системной методологии исследования / С. В. Рябцев // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 1-2. С. 166-173. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2017-1-2-166-173>
20. Шутова, Т. Н. Миф в теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса / Т. Н. Шутова // Современные исследования социальных

- проблем. 2016. № 4-2(28). С. 142-150. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2016-4-2-142-150>
21. Akim K., Kara-Murza G., Saenko N. [et al.] Superhero movie: Breaking the challenges of topics in the modern epos // *Opcion*. 2019. Vol. 35. No Special Issue 22. P. 1408-1428.
  22. Krevsky E. Arkadii Gaidar, the New Socialist Morality, and Stalinist Identity // *Canadian Slavonic Papers*. 2012. T.54. №.1-2. С.113-132.
  23. Livers K. Constructing the Stalinist body: fictional representations of corporeality in the Stalinist 1930s. Lexington Books, 2009. 346 c.
  24. Rukavishnikova, O., Saenko N., Panova E. Evil crystallizing in children's fiction as cultural Echoes of the 20th century // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2020. Vol. 25. No Extra 12. P. 93-101.
  25. Tsvetkova M., Arutyunyan M., Saenko N., Shramko L., Kalimullin D. Incorporation of philosophical ideas in science fiction literature // *Opcion*. 2019. Vol. 35. No Special Issue 23. P. 598-612.
  26. Tsvetkova M., Evreeva O., Saenko N., Maltseva S. Religious fabula as a means of increasing the mass readership // *Revista Transilvania*. 2021. Vol. 2021. No 5. P. 38-45.

References

1. Balina M. Literaturnaya reprezentaciya detstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [Literary representation of childhood in Soviet and post-Soviet Russia]. *Detskie chteniya*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 43-66.
2. Gajdar A. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Izd-vo «Pravda», 1986.
3. Gajdar A.P. *Voennaya tajna* [A military secret]. M.: Detskaya literature, 1973, 112 p.
4. Gajdar A.P. *Timur i ego komanda* [Timur and his team]. Moscow: Martin, 2020.
5. Gubarev V.G. *Pavlik Morozov* [Pavlik Morozov]. Moscow: Detgiz, 1948.
6. Dimke D. V. Rebenok-angel vs rebenok-geroj: nekotorye zamechaniya po antropologii pedagogiki [Angel Child vs Hero Child: Some Remarks on the Anthropology of Pedagogy]. *Detskie chteniya*, 2013, vol. 3, no. 1, pp. 74-99.
7. Kassil' L., Polyanovskij M. *Ulica mladshego syna* [Little Son Street]. Moscow: Georgievskaya lentochka, 2018.

8. Kelli K. *Tovarishch Pavlik: vzlet i padenie sovetskogo mal'chika-geroya* [Comrade Pavlik: the rise and fall of the Soviet hero boy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
9. Lekmanov O.A. *Eduard Bagrickij «Smert' pionerki»* [Eduard Bagritsky "Death of a Pioneer"]. Moscow: Lektorij Magisteriya, 2022.
10. Lipoveckij M.N. SHaluny, vragi, drugie. . . trikster v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature [Naughty, enemies, others. . . trickster in Soviet and post-Soviet children's literature]. *Detskie chteniya*, 2014, no. 12, pp. 7–22.
11. Makfad'en D., Kukulini I., Lipoveckij M., Majofis I. *Veselye chelovechki: kul'turnye geroi sovetskogo detstva* [Merry little men: cultural heroes of Soviet childhood]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
12. Mayakovskij V.V. *CHto takoe horosho i chto takoe ploho* [What is good and what is bad]. Moscow: Iskatel', 2021.
13. Smirnov V. *Zina Portnova. O pionerah-geroyah Velikoj Otechestvennoj vojny* [Zina Portnova. About the pioneers-heroes of the Great Patriotic War]. Moscow: Malysh, 1979.
14. Fadeev A.A. *Molodaya gvardiya* [Young guard]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1983.
15. Ivenkova O.A., Rozanova N.N. The myth and history in daily consciousness of the Soviet people during the postrevolutionary period (1920-1930). *Modern Studies of Social Issues*, 2019, vol. 11, no. 4-3, pp. 71-78.
16. Kokina I.A. The phenomenon of the works of Anton Chekhov about children and for children. *Modern Studies of Social Issues*, 2016, no. 4-3(28), pp. 171-180.
17. Magsumov T.A., Kovzik G.O. The downfall of empire: the regional aspect. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2014, no. 5(53), pp. 12-18.
18. Minnullina R.F., Nurieva A.R. G. Tukay – author of textbooks and children's books. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2016, no. 11-2, pp. 124-128.
19. Ryabtsev S.V. Social mythology in the context of system methodology of research possibilities. *Modern Studies of Social Issues*, 2017, vol. 9, no. 1-2, pp. 166-173. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2017-1-2-166-173>

20. Shutova T.N. Myth in Jürgen Habermas's theory of communicative action. *Modern Studies of Social Issues*, 2016, no. 4-2(28), pp. 142-150. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2016-4-2-142-150>
21. Akim K., Kara-Murza G., Saenko N. [et al.] Superhero movie: Breaking the challenges of topics in the modern epos. *Opcion.*, 2019, vol. 35, No Special Issue 22, pp. 1408-1428.
22. Krevsky E. Arkadii Gaidar, the New Socialist Morality, and Stalinist Identity. *Canadian Slavonic Papers*, 2012, vol. 54, no. 1-2, pp.113-132.
23. Livers K. *Constructing the Stalinist body: fictional representations of corporeality in the Stalinist 1930s*. Lexington Books, 2009, 346 p.
24. Rukavishnikova, O., Saenko N., Panova E. Evil crystallizing in children's fiction as cultural Echoes of the 20th century. *Utopia y Praxis Latino-americana*, 2020, vol. 25. No Extra 12, pp. 93-101.
25. Tsvetkova M., Arutyunyan M., Saenko N., Shramko L., Kalimullin D. Incorporation of philosophical ideas in science fiction literature. *Opcion.*, 2019, vol. 35, No Special Issue 23, pp. 598-612.
26. Tsvetkova M., Evreeva O., Saenko N., Maltseva S. Religious fabula as a means of increasing the mass readership. *Revista Transilvania*, 2021, vol. 2021, no. 5, pp. 38-45.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Панова Елена Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины»
Московский политехнический университет
ул. Большая Семёновская, 38, г. Москва, 107023, Российская Федерация
panova_ep@mail.ru

Саенко Наталья Ряфиковна, доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные дисциплины»
Московский политехнический университет,
ул. Большая Семёновская, 38, г. Москва, 107023, Российская Федерация
rilke@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena P. Panova, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities

Moscow Polytechnic University

38, Bolshaya Semenovskaya Str., Moscow, 107023, Russian Federation

rilke@list.ru

panova_ep@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3868-3834>

Natalya R. Saenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities

Moscow Polytechnic University

38, Bolshaya Semenovskaya Str., Moscow, 107023, Russian Federation

rilke@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9422-064X>

Поступила 01.12.2022

После рецензирования 18.12.2022

Принята 27.12.2022

Received 01.12.2022

Revised 18.12.2022

Accepted 27.12.2022